

Сердце словно прокатилось на американских горках.

Чэн Лан, посмеявшись, спрыгнул на землю и встал напротив Цзян Дуна.

— Ладно, — он, не стесняясь, потрепал крутого парня по взъерошенной голове, игнорируя его свирепый взгляд. — Пора домой. В это время бабушка уже готовит ужин, а если задержимся, дедушка сам придёт за нами. В детстве я часто тут играл и больше всего боялся, когда он звал меня домой ужинать.

Он хлопнул в ладоши, и звонкий звук разнёсся по округе.

— На сегодняшний рассказ всё. Большая булочка, маленькая звёздочка, вы готовы к ужину?

Цзян Дун на мгновение застыл, а затем, впервые за долгое время, улыбнулся.

— Нет, сначала надо сходить в туалет, освободить место.

— ... — Чэн Лан опешил.

Спустя две секунды оба разразились безудержным смехом.

Перед тем как войти, Чэн Лан схватил Цзян Дуна за воротник сзади — на обратном пути тот был в таком состоянии: шёл впереди, не проронив ни слова, отставая примерно на полшага, волосы на макушке взъерошены, весь колючий. Словно готов был уколоть любого, кто к нему обратится.

Чэн Лан не знал, что с ним, и не хотел спрашивать. Потому что, хотя во время рассказа он и выглядел расслабленным и беззаботным, как бы он ни притворялся, что ему всё равно, эта история была шрамом на его сердце. Он мог обмануть Цзян Дуна, но не себя. До сих пор в душе у него было тяжело, в груди и горле будто застрял твёрдый ком, который не поднимался и не опускался, причиняя сильный дискомфорт.

Выплеснув душевную тайну, Чэн Лан, хоть и было тяжело, действительно почувствовал облегчение от сброшенного груза. Он не знал, хорошо ли рассказал такие личные вещи Цзян Дуну, потому что, как он предполагал, ситуация в семье Цзян Дуна тоже, возможно, была непростой. Он рассказал ему о своём, с одной стороны, чтобы утешить Цзян Дуна: «Смотри, я похож на тебя, мне тоже было несладко». С другой стороны, причина была более скрытой, потому что он и сам не знал почему.

Его друзья были все сверстники, ну или те дети из офиса. Почему он рассказал эти никогда никому не говорившиеся вещи такому, по сути, ещё несовершеннолетнему, как Цзян Дун, — ответа у Чэн Лана пока не было, но он отчётливо понимал, что этот колючий крутой парень ему очень нравится.

Не только красивый, но и интересный, очень стильный.

Характер очень яркий, индивидуальный, хотя и нельзя сказать, что непредсказуемый — это слишком крайне, но тоже занятный человек.

Чэн Лан редко встречал таких людей, можно сказать, вообще не встречал. Такой юный старшеклассник, а в душе уже невероятно зрелый.

Иногда многие его действия привлекали внимание Чэн Лана.

Он терпел всю дорогу, но так и не увидел, чтобы Цзян Дун очнулся, и понял, что тот просто не принял к сердцу его наставления на фабрике полотенец.

А Цзян Дун, которого дёрнули за воротник назад, откинулся всем телом, сделал два шага назад, неловко развернулся и уставился на Чэн Лана, раздражённо спросив:

— Чего?

— Эй, — Чэн Лан потянул его воротник на себя. — Такой злой, я тебя чем задел?

— Нет! — Просто на душе немного тяжело.

Не поднимается и не опускается, немного неприятно.

В общем, к тебе не относится.

— Тогда веди себя прилично, давай, улыбнись, — сказал Чэн Лан.

Цзян Дун криво усмехнулся.

Чэн Лан шлёпнул его по затылку.

— Порадостнее!

— Ха, ха, ха.

— Ладно, вот так и делай. Если дедушка с бабушкой спросят что-то, а ты не будешь знать, как ответить, просто смейся вот так.

Цзян Дун отобрал свой воротник, слегка нахмутив брови, с пылающим взглядом отличника и презрением произнёс:

— Какая такая сложная проблема века?

— Не валяй дурака, просто веди себя как обычно. И я правда в порядке, прошло уже много времени, мне всё равно, не грусти, ладно? А то бабушка и правда подумает, что я тебя обижаю, и мне придётся ночевать во дворе. — Чэн Лан подтолкнул его во двор и громко крикнул в сторону двора:

— Дедушка, я привёл нашу маленькую звёздочку! Еда готова? Умираю с голоду!

Цзян Дун фыркнул и позволил втолкнуть себя во двор.

Двор был просторным, перед главным домом была большая открытая веранда, по бокам от которой располагались кухня и котельная. Кухня соединялась с левым флигелем, в котором было две комнаты с алюминиевыми дверями и окнами, сквозь стёкла виднелись разбросанные вещи. С крыши свисал большой зелёный навес, покрывающий оба флигеля, так что перед входом образовался навес, под которым стояли велосипед и трёхколёсный велосипед. Справа от двора была открытая беседка из виноградной лозы, но зимой на ней ничего не было, засохшие лозы давно убрали, остались только голые деревянные каркасы. Цзян Дун одним беглым взглядом мог представить, как уютно здесь должно быть летом. Лежать в бамбуковом кресле, срывая виноград над головой, да ещё с охлаждённым арбузом — просто прекрасно.

— Маленькая звёздочка вернулась! — из кухни донёсся голос бабушки, и вскоре она высунула голову из двери.

Морщин на лице у бабушки было намного меньше, чем у дедушки, и они были мельче, седые и чёрные волосы были собраны ободком и закручены в пучок на затылке, все волоски аккуратно убраны. Бабушка была добродушной, соответствуя представлениям Цзян Дуна о том, какой должна быть «бабушка».

Сейчас она, улыбаясь, манила его рукой.

— Маленькая звёздочка, проголодался? Еда почти готова, осталось только одно блюдо, и можно будет есть. Сяо Лан, веди маленькую звёздочку помыть руки и переодеться в удобную одежду, пока солнце не село, поскорее поужинаем.

Цзян Дун впервые почувствовал такую близость от пожилого человека, и, услышав, как она произносит «маленькая звёздочка», на душе стало странно. Он неловко проговорил:

— Бабушка, не торопитесь, я не очень голоден.

— Брось, — тут же вступил Чэн Лан. — Пять минут назад я слышал, как у тебя живот урчал, сейчас у дороги уже нет лягушек, нечего на них сваливать.

Цзян Дун повернулся к нему.

— Бабушка велела тебе отвести меня мыть руки и переодеться. — Столько лишних слов.

— Именно, — бабушка всё ещё выглядывала. — Маленькая звёздочка ещё молод, нужно больше есть, чтобы расти... расти мясом! Маленькая звёздочка уже выше ста семидесяти сантиметров, наверное, почти сто восемьдесят? Если ещё вырастешь, будет сложно найти девушку. И кто ест так мало, как ты? Теперь, когда маленькая звёздочка здесь, думаю, он и твою порцию съест!

Едва она договорила, Чэн Лан увидел, как плечи Цзян Дуна рядом с ним задрожали, и подумал: «Не видел свет, что ли? Увидел, как старшие его ругают, и обрадовался?»

Только собрался возразить, как бабушка снова скрылась в кухне, повысив голос:

— Быстрее, молодёжь должна двигаться! Мыть руки, переодеваться, ужинать, спать, встречать Новый год! Не затягивайте!

— ...

Почему-то этот тон показался таким знакомым.

— Очень похоже на Сяо Маньтоу.

Чэн Лан и Цзян Дун вместе мыли руки у умывальника во дворе, сидя на корточках друг напротив друга. Помолчав, Цзян Дун сказал:

— Правда.

Последний вдруг понял, вспомнив, как бабушка говорила с интонацией «поздно будет сожалеть». Раньше не замечал, а теперь подумал — и правда немного похоже на Сяо Маньтоу.

Он рассмеялся.

— И правда, когда у Сяо Маньтоу начнутся летние каникулы, приведи его сюда, наверное, с бабушкой найдут общий язык, будут развлекать друг друга целый день.

— Тише, а то бабушка услышит и будет ругаться.

Чэн Лан цокнул языком.

— Сколько времени прошло, а ты уже «бабушка, бабушка», какой сладкий язык, большая булочка?

Цзян Дун оглянулся на кухню, затем приблизился и пригрозил:

— Я не большая булочка, это ужасно звучит, лучше уж... хотя маленькая звёздочка тоже не лучше.

— Ха-ха-ха, знаешь, откуда взялось это прозвище?

Цзян Дун приподнял бровь.

— А ты знаешь, кто такой Чэн Да?

Чэн Лан замер.

— Чэн... кто?

— Сяо Манью звал тебя Чэн Да-гэ, а я долго думал, что тебя зовут Чэн Да, Да — большой.

<http://bllate.org/book/15499/1374890>